

— Тогда чем мы будем заниматься?

Эта мысль вызвала у госпожи Ли тревогу. Хотя в их распоряжении было 500 лянов серебра, она, даже при всей своей неопытности, понимала, что расходы в губернском городе будут огромными. Это было видно уже по уезду Пинъян. Эти деньги, кроме как на покупку земли и недвижимости, она не знала, как ещё использовать. Открыть лавку было не так просто, многие терпели убытки, и необдуманная попытка могла привести к полному разорению. Тем более, это был губернский город, где они не знали никого, и если их начнут притеснять, придётся смириться.

— Не беспокойся об этом, в губернском городе ты всё узнаешь.

Услышав это от Чжун Чжэнсиня, госпожа Ли больше не стала расспрашивать. Она знала, что Чжун Чжэнсинь — человек расчётливый, и если он не хотел говорить больше, она не стала настаивать. У неё и так оставалось мало времени: собирать вещи, ещё нужно было съездить к своим родителям, так что ей было не до других дел.

Получив деньги, Чжун Чжэнъи и Чжун Чжэнли часто ездили в уездный город Пинъян, но найти подходящую лавку и дом было не так просто.

Первым отправился в путь Чжун Чжэнсинь. Накануне отъезда он пошёл к дедушке Чжуну:

— Отец, я сдал в аренду свои двенадцать му земли. Вы сможете собирать арендную плату. Если у меня в губернском городе не получится, это будет моим запасным вариантом.

— Хорошо, я возьму это на себя, не переживай.

На следующее утро, когда небо только начало светлеть, Чжун Чжэнсинь с женой и их ребёнком, который ещё находился в утробе, отправились в путь в губернский город Шанъян.

Повозка была арендована, и возница уже ждал у ворот дома Чжунов. К счастью, он был опытным в дальних поездках, иначе управлять повозкой в темноте было бы непросто.

Чжун Цинжань не был близок с Чжун Чжэнсином, но все необходимые церемонии он выполнил. Глядя на удаляющуюся повозку, он почувствовал необъяснимую грусть. Если он, будучи не так близок с ним, испытывал такие чувства, то как же тяжело должно быть дедушке и бабушке Чжунам. Ведь это был их любимый младший сын, и неизвестно, когда они увидятся снова. Было бы странно, если бы они не чувствовали печали.

Увидев, как госпожа Тун вытирает глаза тыльной стороной руки, Чжун Цинжань отвернулся, чтобы не смущать их, и дал старикам возможность спокойно выразить свои чувства.

Семьи Чжун Чжэнъи и Чжун Чжэнли чувствовали себя лучше, так как они не собирались жить в деревне. По крайней мере, уездный город Пинъян находился недалеко от деревни Хэвань, и добраться туда было легко.

Вскоре после отъезда Чжун Чжэнсиня Чжун Чжэнъи нашёл дом и переехал туда в благоприятный день. Через несколько дней Чжун Чжэнли также нашёл лавку и перевёз свою семью в уездный город Пинъян.

Дом Чжунов внезапно стал пустым.

— Чжэнчжи, второй брат и остальные уже переехали. Мы тоже не можем всё время жить в

доме старшего брата?

Госпожа Лю открыла коробку с деньгами и пересчитала их. Вместе с двадцатью ляннами на обустройство дома, которые дал дедушка Чжун, у них было меньше тридцати ляннов. Раньше это была большая сумма, но теперь её явно не хватало. Это не было проявлением высокомерия, но с 500 ляннами в кармане жить в глиняном доме было просто неприемлемо. Сама она могла бы смириться, но её муж и дети заслуживали большего, и она не могла позволить, чтобы их жизнь выглядела слишком убогой.

— Дом отца уже выбран. Как думаешь, жить нам поближе к нему или к старшему брату?

Чжун Чжэнчжи был безразличен к выбору и оставил решение за своей женой.

— Давай поближе к отцу и матушке, так удобнее присматривать за ними. Цинжань сам ещё нуждается в уходе, а если с матерью что-то случится, в доме начнётся хаос.

Госпожа Лю была благодарна госпоже Тун. Любая семья, в которую бы она вошла как невестка, относилась бы к ней с недовольством, хотя она и не могла просто стоять в стороне и смотреть, как её отец умирает из-за отсутствия денег на лечение.

Даже с такой причиной, если бы свекровь была более жестокой, её бы замучили. И даже если бы муж поддерживал её, ей всё равно пришлось бы страдать.

Хотя госпожа Тун, вспоминая это, тоже выглядела недовольной, она ограничивалась лишь несколькими словами упрёка, после чего забывала об этом. У каждого есть родители, и если человек не заботится о тех, кто растил его больше десяти лет, то есть ли у него совесть? Но, видя, что у младшего сына и его семьи нет сбережений, она чувствовала себя расстроенной, и её настроение колебалось между этими двумя чувствами.

Госпожа Лю хорошо понимала мысли свекрови. Когда госпожа Тун ругала её, она молча принимала это, чтобы та могла выплеснуть свои чувства.

За годы замужества за Чжун Чжэнчжи госпожа Лю почти не знала трудностей. Работа была естественной частью жизни, она и дома трудилась, а в доме мужа было лишь немного тяжелее, что её вполне устраивало.

Кроме того, её муж был ответственным человеком, и когда она использовала свои приданные и сбережения, чтобы помочь своей семье, он закрывал на это глаза, не высказывая ни слова недовольства. Но свои личные сбережения он не отдавал ей, а тратил на их двоих детей. Чжун Чжэнчжи поступал так, и госпожа Лю полностью поддерживала его. Она могла жертвовать собой, но если бы муж тоже вложил в это, детям было бы слишком тяжело, и она, как мать, не могла этого допустить.

К счастью, отец госпожи Лю уже выздоровел, и его здоровье нужно было лишь постепенно восстанавливать, так что ей больше не нужно было отчаянно помогать семье. Теперь она могла сосредоточиться на своей собственной семье.

Определившись с примерным местом, Чжун Чжэнчжи и его жена быстро выбрали дом. Он был небольшой, всего один двор, типичный для деревни Хэвань. Впереди были жилые помещения, сзади — огород. Дом был глиняным, с двумя основными комнатами и залом, кухней и другими необходимыми помещениями, хотя всё было построено не слишком качественно.

Но даже так, деньги ушли немаленькие. После ремонта сумма составила около 15 ляннов.

Госпожа Лю не могла не вздохнуть: деньги уходят быстро, неудивительно, что дядя и тётя спорили из-за старого дома. Всё из-за денег.

Думая о том, что после получения 500 лянв дом всё равно нужно будет перестраивать, госпожа Лю не могла не почувствовать боль. Без 50 лянв это вряд ли удастся, и даже с такой суммой дом не будет таким же красивым, как старый. Чем больше она думала об этом, тем больше ей становилось грустно, и она решила перестать об этом думать.

В этот день Чжун Цинжань, как обычно, пошёл посмотреть на прогресс строительства нового дома, но, к своему удивлению, встретил там Цзянь Минъюя. Он удивился и, отведя его в сторону, тихо спросил:

— Как ты оказался здесь?

— Урожай собран, работы дома немного. Вижу, что у тебя здесь мало рабочих, вот и решил помочь. У тебя, наверное, не хватает серебра?

Цзянь Минъюй тоже ответил шёпотом.

Чжун Цинжань покачал головой:

— Серебро есть, просто, как и у тебя, не могу открыто его показать. Когда продам все лекарственные травы с горы Сяо, которые подлежат продаже, смогу использовать часть средств.

— Я так и думал.

— Раз знаешь, тогда не работай, а то потом будешь жаловаться мне, что не вырос.

— Я силён, меня не сломить.

Глядя на уверенный взгляд Цзянь Минъюя, Чжун Цинжань сдался. Как он мог забыть, что этот человек обладает невероятными способностями и его нельзя сравнивать с обычными людьми.

— Ну тогда трудись, только осторожнее, чтобы кирпичи и камни на тебя не упали. Я пойду тренировать Дяньбай и Минлэя.

— Угу.

Цзянь Минъюй ответил и, повернувшись, быстро направился к строительной площадке, оставив Чжун Цинжаня смотреть на его стройную фигуру.

Чжун Цинжань сначала зашёл домой, попросив госпожу Мин сварить горшок супа из маша, который он потом отнесёт на стройку. После этого он направился к дому Цзянь.

Когда Чжун Цинжань пришёл, Цзянь Минчэнь был занят у входа в зал, а два молодых сокола сидели на соколиной подставке. Увидев его, они издали несколько звуков, словно приветствуя.

Чжун Цинжань свистнул, и Дяньбай и Минлэй, получив сигнал, сразу же расправили крылья, несколько раз беспорядочно взмахнули ими и наконец благополучно приземлились на землю.

Эти два молодых сокола уже выглядели как взрослые, их перья были в основном чёрно-коричневыми, а на шее и голове была белая полоса. Однако они были лишь внешне похожи на взрослых, даже летать ещё не умели. Дяньбай действительно был таким, как думал Цзянь

Миньюй: его лоб был того же цвета, что и перья, и совсем не белым.

Чжун Цинжань не был экспертом по соколам, но он слышал, что молодых соколов сбрасывают со скалы, чтобы они научились летать. Чжун Цинжань, конечно, не был настолько жестоким. Вдруг они разобьются, где он найдёт ещё одну пару соколов?

Чжун Цинжань взял большую корзину, положил туда двух соколов и поставил её на землю. Затем он ловко забрался на дерево во дворе, встал на первую горизонтальную ветку и с помощью крюка поднял корзину на дерево. Не обращая внимания на сопротивление соколов, он по очереди подбрасывал их вверх, позволяя им беспорядочно махать крыльями в воздухе и с трудом приземляться.

Повторив это дважды, Чжун Цинжань остановился. Не только соколы были измотаны, но и ему самому было нелегко. Взбираться вверх и вниз, следить, чтобы не упасть с дерева, — разве это просто?

<http://bllate.org/book/16837/1548147>